

— Ну, чего там сегодня?

Два молодых парня сидели за мониторами компьютеров и пролистывали новости на разных порталах. Обстановка удручала, интересного было очень мало, а необходимо найти что-то стоящее. Интересовали, в первую очередь, отклики на свою же работу, а делали вроде как не мало.

— Да вон, опять к Параду готовятся. Придумали какую-то забаву. Кучу бабок тратят, ветеранов каких-то наряжают, типа они еще есть! Восемьдесят лет почти со Второй мировой прошло, какие еще ветераны? Слили Гитлера амеры с бриттами, сейчас бы жили мы в Германии и не жужжали! Вся Европа под Германией была, и что? Зато живут сейчас так, как надо. У них все для людей, а мы как в деревне живем. Носятся со своей победой, твердят без остановки о том, какая Рашка могучая, сумела Гитлера победить. Европейцы забыли давно и живут, как и должны люди, в свободных странах, а у нас что? Избавились, слава богу, от коммунистов, думали, нормально заживем. Запад помогать стал, все налаживалось, но опять вылезли эти типа патриоты отечества, все им плохо в западном образе жизни, нам свой подавай. Так и делали бы,

а то устроили не пойми чего! Все вокруг воруют, причем миллионами. Чиновники, частники, да все! Устраивают какие-то нацпроекты, а по факту тупо пилят бабло, осваивают. Ни жилья толком не строят, ни дорог. Работы почти нет в стране, а та, что есть, почти не оплачивается. Все дорожает как на дрожжах, но власть упорно твердит о кознях Запада...

Разговор двух молодых людей длился давно. Одним из них был я, Сева Молодцов. Молодой парень, самого обычного вида. Рост средний, волосы темные, показатели интеллекта также самые средние, в чем я никогда не признаюсь даже на страшном суде. Меня называют модным нынче словом — блогер, занимался я тем, что ставил, или хотя бы пытался, на истинный путь молодых людей, которым еще не промыли мозг государственной пропагандой, и привлекал к нашей идее новичков. Сколько можно? Живем как в каменном веке, а цивилизованные страны над нами потешаются. Не могут наши старики наладить жизнь, так отдали бы нам власть, уж мы-то устроим все как надо! Одни запреты кругом, митинги не проводи, власть не критикуй, это нельзя, то... Достали. Мы хотим перемен, хотим жить, как в Европе и Америке, вот где свобода и жизнь!

— Наши будут сегодня выступать? — спросил мой коллега, Серега Авдотьев.

Он разделяет мои взгляды на жизнь, и работаем мы вместе очень часто. Сергей был недоучившимся юристом, каких много в нашей стра-

не. В двухтысячных поветрие пошло, никто не хочет работать руками, все же умные, юристы да экономисты сплошные кругом. Без работы сидят. Серега еще тот задрот, но все же здорово шарит в законах и статьях, облегчая нам жизнь. Не юрист, но и не профан, все какая-то помощь.

— Да, вечером собирались на Пушкинской встретиться, там движуха намечается, будем выступать.

— Опять закроют, — выругался Сергей.

— Плевать. Первый раз, что ли? Пара дней — и снова дома, — ухмыльнулся я. — Какие проблемы?

Да, митинги мы устраиваем регулярно. Толку мало, правда, но молодежи прибавляется каждый раз, а это главная задача. Разгоняют нас, бывает и жестко, это если кто омоновца тронет из оцепления, провоцируя. Тогда те начинают дубинками работать. Неприятно, конечно, но не смертельно. Мы же за правое дело, значит, победим!

К двадцати двум годам я жил на съемной квартире на окраине столицы, на донаты в блоге купил старенькую машинку. Много сейчас становится таких, как я, в Сети, на всех спонсоров не напасешься. Но все же сочувствующие есть, копеечка капает регулярно, главное, не засиживаться, нужно постоянно работать, держать марку.

Родители жили в провинции, разругался с ними еще тогда, когда школу оканчивал. Они все в Совке живут, президенту в телевизоре

верят, но я-то не такой! Еще в школе начал думать, да и помогли те, кто постарше был, встать, так сказать, на путь истинный.

Блог был изначально заточен на разрыв шаблонов у людей по отношению к Совку и коммунякам. Достали со своей Победой! Она нам, молодым, нужна? Немцы ступили, не смогли победить какой-то Совок, где жили все как в тюрьме. Ходили в одних штанах всю жизнь и лопали гнилую картошку... Разве это люди были? Папашу я помнил хорошо, тот вопил постоянно:

— У тебя дед погиб на фронте, за тебя воевал!

А я его просил? Нормальные люди, кто поумнее, к немцам переходили. Жаль, мало их было, кто реально видел перспективу, вот и не удалось разгромить Советы. Каким надо было идиотом быть, чтобы пойти воевать за коммуняк? Ну, помер дед... Значит, слабак был, раз не выжил. Выживает сильнейший. Так было и будет всегда.

На площади было немногочленно. Странно, в Сети вроде столько отзывов было, говорили, все придут, а тут и пары сотен нет. Зато, что странно, есть эти старые маразматикки в медалях. Чего им тут надо? Время шесть вечера, им спать давно пора! Пришли мы с Серегой недавно, присмотреться как следует не успели. Я неторопливо обходил пришедших, все желали удачи, настроены решительно. Мне надо выступить сегодня, речь заготовлена, выучил наизусть, память, слава богу, хорошая. Прибывают и эти упыри, омовцы. Вон, уже три автобуса приеха-

ли, сейчас оцепят и прикажут разойтись. А вот и не выйдет! Мы хотим взять власть, хватит старикам в Кремле нами рулить! Мы лучше знаем, что нам надо! Только вот, черт возьми, опять народа мало пришло! Не выйдет, скорее всего, продавить ментов. Эх, как бы собрать толпу тысяч на пять-шесть? Вот это была бы сила, ни один омоновец не выстоит!

Лозунги, выкрикивания отдельных людей были слышны, но хорового крика не было, нужна, мягко говоря, истерика, а ее нет. Необходимо исправлять ситуацию, а то сейчас опять все заглохнет, провокация — наше все. Проходя через ряды товарищей, начинаю прорыв к памятнику, там центральное место, заметят. Говорить-то я всегда умел, надо только толчок дать. Толпу завести несложно, вот управлять — другое дело. Возле самого постамента внезапно натыкаюсь на кого-то и, поднимая глаза, застываю. Дед. Блин, откуда он тут? Натуральный дед, старый, бородачи, морщины, во блин, вырядился, цапки до пуза висят. Ему-то что тут надо?

— Что, юноша, жизнь скучная, не нравится? — хитро так прищурившись, спрашивает дед.

— Ты чего, дед, очумел? Кому она нравится? Тебе, что ль? — отвечаю нагло, себя-то я уже завел, не остановить.

— Ну, вы сами ее такой сделали. Наше поколение о себе не думало, все силы отдавали, мечтая о лучшей стране для потомков. Вы потеряли страну, поменяли на игрушки и колбасу. Мы не для того воевали, кровь проливали.

— Очнись уже, дед, ты, что ли, воевал? Восемьдесят лет прошло! Сколько тебе тогда, если ты воевал? В штабе писарем был или заградотрядом командовал, расстреливая тех, кто не шел с голыми руками на танки? — смех в лицо старого человека вызывал прилив сил, да и со стороны были слышны вопли поддержки.

— Девяносто восемь, вот-вот девяносто девять стукнет. В сорок первом призвали, но отправили в училище как отличника. Учился целый год, под Новый, сорок третий, год наконец попал в войска. Дали мне взвод солдатиков молодых, мальчишек младше тебя, с ними и отправился на фронт. Тяжело было, столько пришлось похоронок матерям выслать, но до сих пор помню их все. Через год уже был старшим лейтенантом, ротой к тому времени командовал, убыль большая была, лейтенанты редко жили дольше недели, но мне везло. Воевали хорошо. В сорок четвертом все же ранили и меня, сильно, в госпиталях провалялся полгода, на фронт вернулся в январе сорок пятого, наши уже по Европе шли. В Берлине батальоном командовал, капитаном стал...

— А сейчас вы тут все вдруг полковниками стали, да? — еще наглее смеюсь старому в лицо.

Вокруг нас толпа беснуется, но странно, никто не подходит к нам с дедом.

— Это потом дали, жизнь-то длинная была, я всю жизнь служил стране. Как война закончилась, нашу дивизию на Дальний Восток бросили, узкоглазых добивать. Там уже майором стал,

мой полк отличился в боях. Вернулся домой в сорок шестом, продолжил службу уже тут, рядом, в отставку вышел только в восьмидесятых, подполковником. А вот десять лет назад президент нынешний присвоил за выслугу полковника. Что, думаешь, не достоин?

— А в чем достоинство? Немцы нам свободу несли, а такие, как ты, дед, им не дали для нас страну построить! — вывалил то, что всегда считал верным.

Достал, ей-богу, защитничек отечества. Мысли были полны желчи и злобы. На кого? Да на всех подряд. В стране разруха, экономика на дне, зато помогаем всем подряд. Скоро жрать нечего будет, цены растут постоянно. Против нас весь мир, а мы как дебилы со своей Победой носимся.

— Свободу, говоришь? — шамкает губами дед, но, на удивление, злобы в глазах нет совсем. — Это кому они свободу-то несли? Бабам, детям, старухам, которых в избах сжигали? Глотки резали и издевались всяко? Сжигали целыми городами, не то что деревнями, рушили все, что видели? Грабили, девок насильничали, добивали раненых, пленных, русских вообще за людей не считали...

— Это все ваша совковая пропаганда! Не было такого! — фыркаю я. — У меня иммунитет к ней. Вранье, все это придумано кремлевскими стариками, чтобы народ запугать! Немцы — цивилизованный народ, это вы их убивали да женщин их насиловали! Знаем, знаем, сейчас все известно стало. Всю Европу изнасиловали, хорошо еще, что американцы вам не дали це-

ликом ее захватить. Заставили народ под танки ложиться, лишь бы свою партию воровскую защитить. Устроили революцию, а потом сами все перегрызлись. Скинули царя, так и строили бы хорошую страну... А что построили? Идиоты...

— Ты видел когда-нибудь труп ребенка, сынок? Ребенка лет семи-восьми или младше со вспоротым животом, из которого кишки торчат? А может, видел, как мать свое дитя к себе прижимает, когда горит вместе с ним? Или как молодые парни, твои ровесники, с именем партии и товарища Сталина на устах шли в атаку, а потом насмерть стояли до последнего патрона? — старик наседал, буквально нависая надо мной.

— Чего ты несешь, старый, — брезгливо бросаю я и отталкиваю старика.

Тот неудачно так запнулся и начал заваливаться. Падая к подножию памятника, старик не ругался, не кричал. Он упал и прозрачными такими глазами посмотрел куда-то внутрь меня. В глазах его не было злости или презрения, но взгляд буквально пронзал меня насквозь и заставил вздрогнуть. Этот взгляд...

— Ты что сделал, урод? — доносится до меня голос сзади.

Оборачиваюсь и вижу только летящую мне в лоб дубинку омовца. Хрясь... Темнота. Похоже, митинг окончен...

Очухался. Перед глазами круги, все двоится. Этот долбаный омовец мне, похоже, башку пробил! Засужу урода! Зрение восстанавлива-

ется, и я начинаю соображать. Палата в больнице вроде, пахнет лекарствами. Темно, ночь за окном. Блин, в туалет хочется, надо сходить.

Едва я попытался встать, меня резко кинуло в сторону. Я лечу на пол, по пути сворачивая капельницу. Чего она тут стоит? Грохаюсь и ору благим матом. Через несколько секунд в палату кто-то вбегает и пытается меня поднять.

— Куда? Очумел, что ли?

Девка вроде.

— В туалет хочу...

— Ложись давай, утку дам!

Первый раз в жизни писал лежа под себя. Минут двадцать на это ушло. Стыдно так, ужас. Девка молодая из-под меня вытащила какую-то приспособу, которую перед этим засунула туда. Стало легче, только когда меня укрыли одеялом и оставили одного. Правда, спустя несколько минут медсестра вернулась и воткнула мне капельницу в руку.

— Спи давай, а то весь тут расшибешься. Вставать нельзя, вон кнопка, зови, если что-то нужно станет. Понял?

Киваю и проваливаюсь в сон.

— Что, легче стало, когда старика чуть на тот свет не отправил?

Внезапно перед глазами появилось лицо того деда, которого видел возле памятника на Пушкинской. Я аж подпрыгнул на кровати, судорожно натягивая на себя одеяло, пытаюсь отгородиться. Дед буквально навис надо мной.

— Ч-чего? — спрашиваю в ответ и оглядываюсь по сторонам. Словно кино смотрю, только нахожусь при этом внутри самого фильма.

— Что ты мне там говорил, вру я все о войне? — Дед усаживается на стул рядом с кроватью и продолжает: — Людей наших подлый Сталин и КГБ насильно в армию отправляли? Никто воевать не хотел, их гнали на убой? Хочешь, покажу, как гнали? Как люди не хотели воевать? Смотри!

То, что произошло в следующий момент, даже описать не могу. В глазах потемнело, все куда-то полетело, закружилось, и этот водоворот закрутил и меня.

— Товарищи! Подлый удар фашистских войск обрушился на наши границы, города и села, сотни мирных жителей погибают сейчас, в эту самую минуту под бомбами...

— Да слышали уже все, записывай давай, чего время тратить!

Голосов рядом со мной слышалось много, более того, вокруг находилось множество людей, как на наших митингах. Толпа бурлит, двигается, все чего-то говорят друг другу, один я как дурак хлопаю глазами. Людей реально очень много, просто яблоку упасть негде. Где я, что это такое?

— Севка, ну, ты идешь? — Меня несильно толкнули в плечо, и пришлось обернуться, приходя в себя.

— А? — только и раскрыл рот я.

Передо мной стояло человек восемь мужчин, полукругом, и как один ждали моего ответа. Одеты странно, в широченных штанищах, в каждую брючину целиком можно влезть, преимущественно в светлых рубашках и огромных кепках на головах. Смотрю вокруг: да все присутствующие так одеты, женщины, а их тоже было немало, в легких светлых платьях. Я забыл уже, когда в последний раз видел женщину или девушку в платье. Все же в основном в джинсах ходят, а тут ни одной в штанах. Очуметь! А еще... Мать моя женщина! Красные флаги повсюду, на каждом доме висят. Это что, страшный сон антикоммуниста?

— Ну, ты чего, уснул? — вновь произнес один из мужчин. Скорее даже, я бы сказал, парней, так как с виду они казались мне ровесниками. Невысокие все, крепкие такие, с длинными патлами волос и улыбками на лицах.

— Почему уснул? — вновь тупил я.

— Ладно, идем уже, а то народу столько, что до ночи не попадем! — произнес еще один из парней, на вид самый широкий из всех, с пышным чубом, спадающим на лоб.

Парни развернулись и направились в сторону здания, возле которого находилась целая толпа мужчин и женщин. Возле самого входа стоял грузовик, смешной такой, типа «Газели», только колеса вроде побольше. В открытом кузове машины рядом с огромным красным флагом стоял мужчина в серо-зеленой одежде и что-то вещал. Я не прислушивался, вообще был в какой-то

прострации. Где я? Что я тут делаю, я ж в больнице был? Понимаю, что быть так вроде как не может, но то, что вижу глазами, реальность. Я все чувствую и ощущаю, запахи, хлопки по плечу. То, что в палате казалось фильмом, похоже затащило меня в себя.

Вновь оборачиваюсь, пытаюсь разглядеть побольше, чтобы хоть как-то определиться. Ничего знакомого не вижу, смотрю под ноги: утоптанная земля. Земля, а не асфальт или брусчатка. Странно. Ничего не понимаю. Тут меня вновь подтолкнули, и я послушно направился вслед за остальными парнями. Возле дверей здания толпа была очень плотной, не пробиться. А куда, кстати?

— Эй, — позвал я осторожно того парня, что и говорил со мной, называя по имени.

— Чего?

— А ты кто? Откуда знаешь, как меня зовут? — спросил я.

— Севка, ты чего, на солнышке перегрелся? Еще спроси, кто тот дядька, что впереди меня идет! — с ухмылкой, совершенно без злобы в голосе ответил парень.

— А кто он? — тут же спросил я, даже не собираясь раздумывать.

— Сев, ты чего, издеваешься? — посерьезнел парень.

— Я не знаю тебя, не знаю того мужчину, я вообще не понимаю, где я и что тут делаю... — Я развел руки в стороны, всячески показывая видом, что не вру.

— Николай Павлович, — крикнул парень тому мужику впереди, — дядя Коля!

Мужик обернулся и недовольно рявкнул:

— Чего тебе, Пашка?

— Тут Севка чего-то чудит. Говорит, что не знает, кто я, кто вы, и вообще не знает, где он находится...

Было видно, что парень сам не понимает, как описать проблему.

— Я сейчас кому-то в ухо дам, сразу все вспомнит! — рявкнул мужик, зыркнув на меня. То, что он сможет это сделать, было видно по его злым глазам, да и, скорее всего, не раз уже делал. — Быстро сюда, сейчас уже и мы пойдем!

Итог диалога был дурацким. Парень этот, Павел вроде, теперь оглядывается на меня, словно пытается понять, врал я ему или все же нет. Мужик наоборот, кажется, и вовсе забыл обо мне, а вот где я, понятней не стало.

Через несколько минут мы, то есть вся эта ватага парней, что стояла недавно вокруг меня, подошли к ступеням у входа в здание. Оказывается, нам внутрь и не нужно было, просто из-за толпы я не видел, что тут происходит. Возле крыльца стоял длинный стол, за ним сидели сразу четверо мужчин. Подходившие протягивали какие-то бумаги и что-то получали взамен. Когда до меня дошла очередь, я уже на пот весь изошел. Просто услышав, как и что говорили стоявшие передо мной, чуть в обморок не упал.

— Фамилия?

— М-молодцов...

— Абрамыч, ну ты чего, это же Севка мой, — вдруг раздался голос того самого мужика, что обещал дать в ухо. — Оформляй давай, чего тянуть-то? Будто сына моего не знаешь?! — Этот самый мужик, что, мой отец? С какого...

— Так положено, Палыч, — ответил мужик, сидевший за столом, а затем посмотрел на меня и взял со стола какие-то листы. — Всеволод, вот твои документы, завтра вместе с батей на станцию. Счастливо!

— Севка, ты с нами? — раздался вновь голос парня по имени Павел, когда мы с моим новым отцом отошли в сторону.

— Не, идите по домам. Проститесь с мамками и родными, мы тоже домой, — ответил за меня... отец?

— Мы сначала в парк, отметим это, потом по домам! — ответили ребята.

— Смотрите, не опаздывайте завтра, влетит! Пошли, Сева.

Я плелся по улице, узкой пыльной улочке какого-то поселка или маленького городка вслед за человеком, почему-то считавшим меня своим сыном. Разглядывая все вокруг, я только хлопал глазами и продолжал ничего не понимать. Где я, блин-блинский?! Ни тебе машин, ни красивых домов, даже дороги нормальной нет, простая земля укатанная. Люди, да что люди, я сам одет как какой-то обсос. Рубаха белая, явно с чужого плеча, велика размера на два, такие же штаны, шаровары, ноги в них болтаются, как спички

в стакане. На ногах штиблеты на ремешках, да на голове кепарь еще, как у всех, огромный. Все виденные мной сегодня люди были одеты не лучше, заметил только, что мужики постарше в основном в сапогах ходят.

Пройдя какими-то улочками, тропинками между домов и редких заборов, мы, наконец, оказались у двухэтажного деревянного дома.

— О, мать встречает, сейчас стол накроет! — произнес мужчина-отец.

— Ну как, Коля? — Женщина обняла мужчину.

— Все нормально, взяли обоих. Ко мне было привязались, бронь, говорят, у тебя, да я послал их лесом, сказал, чтобы снимали, все равно на фронт пойду!

Вы не ослышались! Именно это я и услышал еще у стола, где получил какие-то документы на руки. Все эти люди, вся толпа, стояла в очередь для того, чтобы записаться на войну! Они... Черт, да и я такой же. Мы все ненормальные? Какая война? Зачем? Там, возле здания, как оказалось, военкомата, я узнал, что началась война. Война с Германией. Я чуть на всю округу не закричал от удивления и отчаяния. А когда увидел документы и прочитал вроде как свою дату рождения, совсем обалдел. Какой на фиг двадцать третий год рождения? Тысяча девятьсот двадцать третий! Это что такое? Как это? Когда вновь слух вернулся, как будто перед этим меня по голове ударили, я услышал, что кричат люди вокруг. Они все просят скорее на войну. Чуть

до драки не дошло, вот как лезли. Главное, ведь знают же, что на войну, что всех убьют, а просят-ся, как будто на праздник. А главное, за что?! За партию?! За тирана Сталина?! Да, мало, видно, их Сталин расстреливал, раз есть еще идиоты, желающие воевать за такую страну!

Я был полностью в отключке, в голове не укладывается такое поведение людей. Да и дата рождения еще выбила из колеи. Я что, в прошлое попал? А куда? В сорок первый год? Так не бывает! Это все плохая фантастика для урапатриотов. Я ж не такой, зачем меня, куда? Одни вопросы...

Я упал в обморок прямо возле женщины, подошедшей ко мне и протянувшей руку. Выглядела она, как бы сказать-то, не очень хорошо. Видно, что лет ей немало, и жизнь она повидала всякую, но большего не разглядел, просто упал и потерял сознание.

Очнулся лежащим на кровати. Мягко так, аж вставать не хочется. Повернул голову, напротив меня еще кровать, но на ней никого, только стопка подушек стоит, большая, а верхняя, треугольником, в потолок смотрит. Помню, в детстве у бабушки в деревне так было. Окинул взглядом комнату, где находился... Маленькая, но какая-то уютная, что ли. На окнах, а их целых два, хоть и маленьких, красивые ажурные занавески, чистенькие, белые, как снег. Потолок, наоборот, темный, но видно, что не от грязи, а просто дерево потемнело с годами. На небольшом

столике возле окон стоит ваза с цветами, а больше в комнатухе и нет ничего. Хотя портреты висят на стене...

— Ну-ка, ну-ка!

Непонятно, то ли это такая фотка плохая, то ли картина слишком хорошая, но я отлично узнал на ней себя и тех мужчину с женщиной, что видел сегодня. Интересно, я все еще там?

— Проснулся, сынка? — донесся до меня тихий женский голос. Он еще больше подчеркивал то впечатление, что сложилось у меня о женщине. Она, если по виду судить, мне скорее в бабушки годится.

— Да вроде как... — замялся я. — А что случилось? — закинул удочку я.

— Так ты чего-то в обморок хлопнулся посреди улицы, когда с батькой вернулся. Ничего не болит?

— Вроде нет, — ответил я и мысленно пробежался по телу. — Все вроде хорошо, только в голове шумит слегка, — ни капли не соврав, ответил я.

— Иди поешь, отец в сарай ушел, сапоги подлатать хотел, неизвестно ведь, когда еще обмундировку получите. Добираться-то не близко.

— Спасибо...

Я встал с кровати и хотел было пройти мимо женщины, но та слишком пристально смотрела на меня.

— Сынка, ты уж пригляди за батькой на фронте, ладно? Горячий он у нас, глаз да глаз нужен.

— Хорошо, — я помедлил, но добавил: — Мам.

Вскоре выяснилось, отчего женщина так выглядит. За столом сидели люди: мальчишки, девочки, какие-то взрослые женщины и пара стариков. В разговоре я случайно услышал, что так называемая мама старше отца. Что у нас в семье шестеро детей... Еще бы она выглядела хорошо, столько выносить да выкормить. Сидевшие рядом за столом два пацана, немногим младше меня, восторженно завидовали, что на фронт иду, поганую немчуру бить.

— Ну ничего, Севка, я попозже сбегу — и к вам, на фронт! — шепнул мне сидевший рядом Иван.

Я услышал, как к нему обращались, вот и узнал имя. Этому дурачку, мечтающему о войне, лет шестнадцать, не берут его, так он намылился сбежать из дома и в военкомате приписать себе два года, так и сказал. Я ему ничего не ответил, думал о своем.

— О, Севка, твоя Аленка под окошком топчется, иди уже, заждалась поди! — Меня выдернула из размышлений одна из сестренек, Ира вроде как.

Посмотрев в открытое окно, а жили мы на первом этаже, я увидел ту, на кого мне показали. Екарный бабай, у меня что, еще и подруга есть?

— Тили-тили тесто, жених и невеста! — закричали весело сестренки, а я, наверное, покраснел.

— Ну-ка, хватит, вертихвостки! — цыкнула на них мать, помогая мне. — Сева, пригласи Аленку, пусть с нами посидит.

— Хорошо, — кивнул я и, встав из-за стола, вышел из комнаты.

Спустился по короткой лестнице и, оказавшись на улице, кивнул девушке, которая стояла возле бельевого столба и пыталась справиться со смущением, спрятав лицо в ладони, чтобы мои сестренки, высовывающиеся из окна, не видели ее румянец.

— Пойдем на пруд? — спросила меня девушка, на что я просто кивнул.

За руку или тем более под руку брать девушку не пришлось. Она пошла чуть впереди, тем самым помогая мне, ведь дороги к этому самому пруду я не знал.

— Опять твои сестры дразнятся! — не с укором, а скорее с обидой в голосе произнесла девушка, когда мы через несколько минут оказались возле пруда.

А ничего так, большой пруд, как озеро прямо. С одной стороны — луг, красивый, зеленый, а с другой — сосновый лес. Сказочное озеро.

— Я поговорю с ними, — кивнул я, не зная, что еще сказать.

— Да все равно не перестанут, дети еще, — хмыкнула девушка. — Сев, ты правда хочешь на фронт и идешь добровольно?

— А разве можно отказаться? — хмыкнул уже я.

— Ну, тебе ведь восемнадцать только в декабре, тебе же повестки не было, — удивилась девушка.

— Батя так сказал, — ответил я просто.

Зачем от нее скрывать то, что я не хочу ни на какой фронт, а просто так вышло.

— Ты что, боишься? — девушка спросила таким тоном, что мне не понравилось.

— Думаешь, никто не боится? Всем прямо былинные герои, так и рвутся на войну. Просто никто не понимает пока, что за война идет. Думают, легкая прогулка, развлечение... Я слышал, немцы так прут, что хрен их остановишь, народу гибнет много.

На самом деле я об этом не знал, вообще считал, что потери явно преувеличены.

— Ну, не знаю, — пожала плечами девушка, — отец тоже собирался, но его не взяли из-за ноги.

Понятия не имею, о чем она, но говорила Алена так буднично, словно мне это давно известно.

— Раз не взяли, значит, так надо, — произнес я и махнул себе за спину, — там, виднее.

Мы сидели на траве и болтали ни о чем. Было ясно, что девушка общалась со мной так не в первый раз. Мне же сначала было неловко, словно с чужой девушкой сажу, а потом ничего, втянулся. Видно было, что этот Сева, кем сейчас был я, ей не безразличен. Может, даже и влюбилась деваха. А была она хорошенькой. Чуть полноватой, но ее это, в принципе, не портило. Волосы светлые, глаза... как небо.

«Черт, я чего, запал на нее, что ли? Она же мне в бабушки годится. Бр-р-р!»

Уже темнело, когда Алена попросила проводить ее домой. Накинул ей на плечи пиджак, что прихватил машинально из дома, и мы потопали

назад в поселок. Куда идти, я не знал, конечно, но я посмел предложить ей руку, она с удовольствием оперлась на нее, и мы пошли. Как бы невзначай девушка слегка направляла меня, когда проходили тот или иной перекресток, поэтому к ее дому мы вышли быстро. Жила она в небольшом, явно своем, на одну семью доме. У калитки бегала собака, Аленка ее подозвала, и та, на удивление, подбежала не к ней, а ко мне. Прижалась к ноге, приветствуя.

— Вот всегда так! Как Жучка тебя видит, сразу ластится к тебе, как будто меня и нет, — фыркнула девушка.

— Значит, видит, что я не плохой человек, собаку не обманешь, — высказал я свои мысли. Точнее, от кого-то слышал еще в прежней жизни, вот и ввернул по случаю. Никогда не заводил животных, за ними же уход нужен, мне не до этого.

Собака, словно почуяв мой настрой, тут же как-то напряглась и отбежала в сторону. Аленка, взглянув на меня, собиралась что-то сказать, но, видимо, не решилась.

Что-то я расслабился, нахожусь не пойми где, на войну вон отправляют, а я тут с девчонкой гуляю. Валишь надо отсюда, пока и правда на войну не уехал. А девчонка все же хорошенькая...

Домой (ну, не знаю, как назвать еще) я не вернулся. Задумавшись, озирался по сторонам, стоя посреди улицы, когда из кустов возле ближайшего забора выскочил один из парней, что также днем был в компании новобранцев у военкомата.

— Севка, ты чего, на войну собрался? — удивил он меня первым же вопросом.

— Ну, а как же... — замешкался я, не зная, что ему ответить.

— Гори оно все огнем, я не пойду! — жестко заметил парнишка.

Он был невысоким и тощим, лицо какое-то... хитрое, что ли...

— Так посадят же. Слышал, этот, Абрамыч, что ли, как говорил: «Кто не явится завтра, под трибунал пойдет»?

— Да нехай сажают, если найдут. Чего, думаешь, какого-то пацана будут специально искать, когда вокруг такая неразбериха? Ха! Пойдем со мной, ты ведь тоже не хочешь идти...

— Что-то стремно...

— Чего? — явно не понял меня парень.

— Страшно как-то, вдруг поймают. Я слышал, кто уклоняется, могут и расстрелять даже.

— Да пусть поймают сначала! У меня тетка в Сибири живет, в тайге, хрен там кто найдет. Айда со мной. Прицепимся к поезду какому-нибудь — и баста!

— А давай! — кивнул я.

Ну ее, войну эту, не хочу я идти, мало ли, вдруг убьют. Что я, самый ярый коммунист? Три раза «ха»!

От дома Аленки мы потопали к станции, она тут рядом была, мы ее проходили с девушкой, а уже от нее дали деру по грунтовке, которая петляла параллельно железке. Ночь была светлой, идти было легко. Когда сзади послышался

шум какого-то двигателя, не обратили внимания, а зря...

— Ты что же, стервец, делаешь? Сбежать решил? — Отец выдал мне по уху такую плюху, что я со всей дури полетел в придорожную канаву.

Что было с моим новым приятелем, я не видел. Нас догнали на машине, и одним из преследователей был батя этого тела.

— Вы что? — завопил я.

— Убью гада! — орал отец. — Ишь чего удумал, сбежать захотел! На фронт не хочешь? Не потерплю такого позора! Чтобы Молодцовы от врага бегали? Не бывало такого!

То, что этот самый батя меня забьет до смерти, я понял, к сожалению, слишком поздно. После нескольких ударов по голове ногами я вдруг понял, что не чувю тела. Когда спустилась темнота и пропали звуки, я осознал себя в больнице.

— Ну как? Многих под дулом автомата на фронт забрали? Или, думаешь, так только в этом городке было? — Дед сидел рядом с моей койкой в больнице и смотрел издевательски, прищурив глаз.

— И что это было? — разлепил губы я. Во рту пересохло от всего увиденного.

— Ты же сам не верил, говорил, что чувшь я несую.

— Народ — как стадо, людей просто запугали, все боялись репрессий. Отцы гнали своих же детей на фронт, а если те не хотели, то их били

и все равно отправляли. Люди запуганы были, если бы кого спросили, хочет ли он умереть за Совок, думаете, он бы согласился? Чушь и вранье! А немцы... Немцы — цивилизованный народ, у них такого точно не было бы!

— Значит, этот цивилизованный народ просто так к нам пришел, просто чтобы помочь людям? Дурак ты! Не хотели идти защищать Родину только молодые да глупые, не понимающие, к чему такая война приведет. Но они быстро кончились. Основная часть граждан все же была умнее, люди понимали, что при немце жизни не будет.

— Конечно, сами-то колхознички никогда ничего не могут сделать, вот и пришли европейцы помочь. Вы и такие, как вы, всю жизнь терпели, наш народ давно уже называют терпилой. Что бы с нами ни делали, только молчим и терпим. Сколько уже можно? В Европе наконец созрели и решили нам помочь, а вы их убивать пошли. Нужно было старых коммуняк из Кремля выгнать, немцы бы помогли, вот бы жизнь тогда была...

— Не убивали, значит, немцы никого, мир несли? Страну хотели нам построить? Ну, иди тогда, сам погляди, раз не веришь, что это за цивилизованные люди были, какую жизнь они нам несли...

Меня опять что-то закрутило, казалось, будто я на качелях качаюсь и делаю «солнышко». Замутило, боль в висках такая появилась, что ка-

залось, глаза сейчас выскочат. Зажмурился, но тут появился звук...

«Это что такое?»

Что-то грохочет. Открываю глаза — и... О господи, что это? Вокруг меня какие-то люди, все в одинаковой серо-зеленой форме. Вояки, наверное. Черт, да я и сам вроде как в такой же одежде, вон, рукава вижу. Точно, это военная форма. Откуда она на мне? Я же не служил в армии, отмазаться в свое время удалось довольно легко. Я думал, что это видение с военкоматом и призывом на фронт лишь иллюзия, а тут похлеще будет, появился не пойми в каком времени, да еще и среди толпы вояк. Как же так-то? Черт, что грохочет, на взрывы какие-то похоже? При каждом таком взрыве голова буквально втягивается в плечи, почти как у черепахи. Вокруг земля, ямы, стенки из земли, земля под ногами, окопы, что ли, как в кино? Люди в них, вроде с оружием. Кто-то смотрит поверх стенки окопа, кто-то просто стоит, задумавшись. Пахнет гарью и чем-то сладковато-приторным, от чего к горлу подступает комок. А еще повсюду дым, такой, что глаза режет.

— Ты чего, боец, испугался, что ли? — Внезапно надо мной кто-то нависает, и я понимаю, что сижу в какой-то яме. На дне окопа?

— Я, я...

Видимо, выражение моего лица было настолько глупым, что обратившийся ко мне человек улыбнулся:

— Головка ты от часов «Заря»! — Улыбка исчезла с лица мужчины, и он добавил: — А ну встать! Где оружие?

Я пытаюсь подняться, но ноги не держат.

— Взял винтовку в зубы, немцы сейчас подойдут! — сказано было так буднично, словно мне предлагали место в трамвае уступить. Голос говорившего был твердым и уверенным, но особой злобы не слышалось, лишь желание заставить подчиниться.

— К-какие н-немцы? — заикаясь, спрашиваю я наконец.

Новый грохот заставляет заткнуться. С неба летят комья земли, неприятно бьют по голове и плечам. Дым, летящая земля, грохот, вонь и, черт, страх. Пытаюсь подняться. Страх такой, что ноги не держат, а предательски подгибаются.

— Обыкновенные, из Германии. Встать, я сказал! — не обращая внимания на взрыв, орет во-яка, и почему-то очень не хочется ему перечить.

Дым стелется по земле, усиливается запах гари, глаза слезятся, но протереть их не могу, так как руки просто по локти в грязи, как будто я в ней купался. Делаю над собой усилие и все же поднимаюсь на ноги, поворачиваю голову... Что это такое? Кино, что ли, снимают? Очередную байку о войне?

Впереди по полю, совсем близко, кажется, прямо на меня едут... Танки??? Да как это? Грохот оказывается взрывами. Танки что, стреляют? Куда? Среди железных коробок сквозь сильный дым проглядывают фигурки людей. Что-то

периодически вспыхивает маленькими светлячками в районе головы каждого идущего в наступление человека. А рядом со мной, да и вокруг, чаще и чаще встают фонтанчики земли, разбрызгивая ее вокруг. Они что, стреляют в нас? В кино уже боевыми патронами, что ли, стали стрелять? Совсем сдурели киношники! Краем глаза отмечаю огромное количество лежащих на земле людей. Позы такие... Живые так не могут лежать. В какое-то мгновение мой взгляд натывается на какой-то предмет, который лежит буквально в паре шагов от меня, на гребне окопа.

— А-а-а, — ору я и вновь падаю на дно окопа.

В предмете, лежавшим рядом, я отчетливо распознал человеческую руку. Ее как будто выдернули из плеча целиком, белеет кость, брызги чего-то красного вокруг. На меня накатила волна такого животного страха, что даже думать забыл, хотелось только орать. Нет, это, похоже, не кино, уж больно все натурально. А что тогда?

— Ты что, гад, струсил? — вновь тот же мужик надо мной.

Ну чего он привязался? Видит же, что страшно мне, а все свое гнет.

— Где я? — ору я. Наконец удалось выдать из себя что-то по делу.

— В п...е! — рычит мне в лицо мужик. — А ну встать, иначе под трибунал пойдешь! На тебя люди смотрят, не смей сеять панику!

Лежу на спине, винтовка, которую заставили поднять, у меня в руках, и я машинально ею закрываюсь. Меня подхватывают и ставят на ноги.

— Смотри туда и стреляй, вон, уже пехота пошла, — указывает мне мужик вперед, а я как в тумане.

Какая пехота? Куда стрелять? Зачем? Что я сделал такого?

— Я не хочу! Я не умею!

Как это — стрелять? Я что, должен в людей стрелять? Я не могу, не хочу, да и просто боюсь я...

— Вы не понимаете, мы все умрем тут! Нужно сдаться, нельзя стрелять в немцев, они нам свободу несут. Они просто хотят убрать наших кремлевских жидов, что гнобят свой народ. Уберут их, будет все хорошо. Если мы будем стрелять, нас всех тут танками раздавят. У них же и пушки, и танки с самолетами, а у нас?.. Что у нас?!

— Сейчас немец до нас дойдет, он тебя научит! Только попробуй руки поднять, я тебя сам пристрелю! После боя особист с тобой побеседует, ему интересно будет, — орет мужик и сам начинает стрелять куда-то в сторону тех самых немцев из пистолета.

Смотрю как замороженный, не в силах что-либо понять, только глазами хлопаю.

— Только так и можете! Кто сам пойдет на убой? Только такие, как вы! Нормальные люди боятся, а вы их заставляете!

Мужик мне уже не ответил, да и не слышал он, скорее всего, в этом грохоте ничего. Злость кипела во мне, а еще — страх за свою жизнь.

Вот так ложиться в землю уж как-нибудь без меня. Это не мое время, сами тут расхлебывайте,

раз такие глупые и не можете понять, где добро, а где зло... Да что же это? Где я все-таки? Неужели все, что вижу, — правда? Какая война, какие немцы? Она ж столько лет назад кончилась! Меня что, опять, как и прошлой ночью, в прошлое, да еще и прямо на войну закинуло? Я думал, что это какие-то глюки были прошлой ночью, а теперь еще круче. Я не хочу! Что делать? Бежать? Куда мне бежать?!

Смотрю по сторонам: мужики в форме, как и тот, что поднимал меня, все грязные, небритые, потные. Каски на головах смотрятся смешно, но смеяться не хочется, все стреляют куда-то, блестящие гильзы сыплются на дно окопа одна за другой, на меня пока и не смотрит никто, так что могу разглядывать сам. Иногда то один, то другой дергается и падает, оседая, на землю и уже не поднимается. Кровь? Это ведь настоящая кровь! Сколько ее льется, я и не видел такого никогда, даже в фильмах такого не показывают. Слишком жестоко все это выглядит. Прямо рядом со мной внезапно падает очередной солдат в форме, и я вижу, как из того, что было недавно его лицом, хлещет кровища. Нет, это не кино!

Не в силах больше смотреть на все это, вскакиваю на ноги и, буквально выпрыгнув из той ямы, где сидел, бросаюсь в сторону. Никто меня не держал, не мешал. Каска закрывает глаза, свешиваясь вперед, машинально толкаю ее назад. Бежать, бежать отсюда куда глаза глядят...

Внезапно в нескольких метрах от меня земля встает дыбом, больно бьет в ноги, что-то явно

взрывается. Грохот, огонь, что-то свистит в воздухе, и вдруг я чувствую удар в живот, да такой сильный, что я охренел просто. Все вокруг сразу померкло, видел только землю под собой, звуки так же исчезли. Вакуум, не иначе. А еще, кажется, даже время остановилось.

— А-а-а!

Как же больно! Смотрю вниз, винтовку давно бросил, руки сами тянутся к животу, туда, где больно. А боль была страшной, как будто мне шампур раскаленный вставили в брюхо и проворачивают. Воображение разыгралось, так и представлял себе эту картину.

Что это? Это моя кровь? Голова закружилась, все руки у меня красные, с них что-то медленно, тягуче стекает и капает на землю. Больно так, что я мгновенно начинаю орать, паника в голове сводит с ума. Крутит, жжет, режет, слов не хватает, чувств — тоже, в голове — туман и страх. Как же больно! Что мне делать? Упав на спину, начинаю кататься по земле. От этих выкрутасов становится еще больнее, но остановиться не могу. Страшно и больно, голова просто выключилась. Голос срывается на настоящий визг, верещу как поросенок прямо, но ничего не могу с собой поделать.

— Помогите, помогите! — ору я, но никто не спешит ко мне на помощь.

Мне очень больно! Меня что, ранили? Или убили? А как это, когда убьют? Почему, почему я? Немцы же хорошие, почему я у красных, а не с той стороны? Господи, как же больно-то!

Где эти, врачи, или, как их, санитары, что ли? Почему никто ко мне не идет? Ведь так больно! Должен же кто-то прийти. Почему никого нет?

Силы уходили, боль была очень сильной, и, главное, мне было так страшно...

Внезапно свет тухнет, ничего не вижу больше. Где я опять?

Боль вроде уходит. Откуда-то слева приходит свет. Скашиваю глаза: лампа. Машинально щупаю живот. Ничего там нет, никакой крови, да и боль окончательно прошла.

— Как тебе? — Опять голос деда раздался справа от меня и заставил подпрыгнуть. — Долго прожил? Хоть чуток понял, сколько жил на войне обычный солдат? Что испытывали люди, когда на них пер враг? И это все на маленьком клочке земли. Знаешь, сколько таких, как ты, было, да там, в полях и лесах, и осталось?

Ответить я не успел: вошла медсестра, а дед, или видение, исчез. Мне вновь поменяли капельницу, но уснуть не мог. Лежу, смотрю в потолок, не понимая, что такое со мной случилось и как это переварить и вообще воспринимать. Галлюцинации? Гипноз?

Уснул под утро. Видения не повторялись, но перед глазами все еще стояла картина, как мои руки становятся красными от крови, как пытаюсь заправить вываливающиеся кишки назад, себе в живот. А мозг посылал мне ощущения боли, которые я испытал. Настолько явно и ре-

ально все было, что до сих пор кажется, будто в животе все кипит. Неужели после таких ранений можно выжить? Там же не от ран, а от боли с ума сойти можно. Как такое вытерпеть?

— Нам помешали вчера. Продолжим разговор? — слышу знакомый голос.

Я проснулся от прозвучавшего голоса, открыл глаза и повернул голову в ту сторону, откуда слышал речь. Увиденное заставило вздрогнуть всем телом. Дед!

— Ты чего, дед? Что ты со мной сделал? Почему я видел такое? — аж заорал я.

— Ничего особенного, — усмехается тот. — Ты же говорил, что я вру все, война была прогулкой, немцы нам свободу и мир несли. Вот и посмотри теперь сам, какую свободу они несли. Не обделался в прошлый раз? Ну, это поправимо!

После его слов я вновь куда-то «улетаю». Опять небо, деревья, трава под ногами. Слышу, разговаривает кто-то рядом. Поворачиваю голову. Опять такие же мужики в старой форме, все потные, отсюда вижу, что одежда у них сырая насквозь. А я вновь сижу на земле и чувствую себя как-то неудобно.

— Эй, парень, — кричат мужики и смотрят на меня, — ты чего, утомился, что ли? Некогда лежать, идти надо!

Теперь куда-то идти требуют. То вставай и стреляй, теперь топай куда-то. Ладно хоть не стреляют и не взрывают ничего поблизости, даже наоборот, тишина такая стоит, аж в ушах звенит.

— Где я? — выдыхаю слова, но язык еле ворочается.

— Известно, где, — хмыкает еще один из солдат. — В лесу!

Ко мне подходят и пытаются поднять, но быстро отпускают обратно.

— Ты чего, обосрался, что ли? — презрительно глядя на меня, начинают ржать мужики.

Их смех разозлил, но что я могу сделать?

— Я-я, — вновь, как и первый раз, открываю рот, но выходит какое-то бляение вместо слов. Краснею и бледнею, уши горят огнем, а еще чувство стыда и брезгливости к самому себе.

— Вставай давай, вон у леса пруд есть, там и застираешься! Да не ссы ты, многие так, не к теще на блины приехал, бывает. После утренней атаки у многих животы ослабли.

Плечусь следом за солдатами, а самому хочется провалиться под землю. Вот же влип! По ногам течет, противно — жуть, слезы из глаз брызжут, обидно и страшно. В первый раз со мной подобное. Вы даже не представляете себе, что чувствует в такой момент человек. Ладно бы лежал как старей пердун в кровати, не имея сил встать, но я-то, молодой парень — и так обделался...

Стыдливо поглядывая на раздевшихся мужиков (солдаты почти все скинули форму и залезли в воду), раздеваюсь и я. Ушел чуть в сторону, а то вдруг заорут на меня, что воду им пачкаю, да и воняю как... В общем, залез в пруд по шею, подмылся. Вода теплая, даже расслабляет, только пришлось чуть отплыть, а то всплывает тут вся-

кое, а на меня еще и косятся. Поглядел на берег. Моя одежда, форма то есть, лежит кучей дерьма и ждет меня. Чего делать, другой-то нет! Не вылезая из воды, подхватываю штаны и начинаю полоскать их, просто окуная, как тряпку в ведро.

— Да выверни их, салага, и потри как следует. Чего ты там телишься? — окрикнули меня, но, что удивительно, без злобы.

Откуда мне знать, как дерьмо со штанов отстирывать? Как будто я раньше такое делал!

Послушал совета и вывернул, хоть и с трудом, эти долбаные галифе. Вонница... Полоскал минут десять без отдыха, руки устали — жуть, но все равно казалось, что вонь не ушла. Возле берега был виден песок, повозив штанами по нему, вновь стал тереть штанину о штанину, надеясь, что это поможет.

— Да хватит, парень, вылезай уже, замерзнешь.

Вода хоть и теплая, но ежели в ней сидеть с полчаса, то можно и околеть.

— Повесишь портки на ветку — выдует ветром, не будет вонять.

Советы дельные, местные-то опытнее меня в этом деле. Черт, как же возможно такое, а? Что этот гребаный старик со мной сделал? Наркота, гипноз? Уж больно реально все выглядит. А как воняет, уже понятно...

— Батальону хана. Что делать будем, товарищ старшина? — внезапно долетает до меня разговор.

Начинаю прислушиваться, хотя занят важным делом: выжимаю одежду. Тут ведь окромя

штанов еще белье какое-то, тоже все обгаженное было. Сижу голый, стыдно как-то, хотя мужики вон ходят, не стесняются, причиндалами трясут да задницами сверкают. Для них это все привычно, что ли? Хотя, конечно, они и моются все вместе, в бани ходят. Я-то привык в своем душе это делать, без посторонних глаз.

— На восток надо пробираться, к нашим.

— Да немцы уже, наверное, на пятьдесят верст ушли. Где фронт-то, где помощь? — подал голос еще кто-то.

— Да хоть на сто! — заключает тот, которого назвали старшиной. — Обсохнем до темноты, думаю, и пойдем. Ночью, слышал от командиров, фриц спать любит, не воюет, глядишь, и пройдем сколько сможем.

— Так, может, в Брест? В крепости наверняка гарнизон держится, там ведь войск много было.

— Не знаю, надо подумать...

— А может, не надо никуда идти? Свои же расстреляют! — вдруг ляпнул я.

А хрен меня знает, чего я вдруг решил высказаться, никто же не спрашивал. Слышал там, дома, что тех, кто из окружения или плена выходил, сразу на расстрел.

— Ты чего тут говоришь-то, гаденыш? — зло посмотрел на меня старшина. — Ты вообще откуда? В нашем батальоне таких не было. Может, ты шпион?

— Я, — и чего мне сказать им, не поверят же, — я не знаю, — ляпнул первое, что пришло в голову.

— Память отшибло, что ли? Ну, немца увидишь, вспомнишь!

Да хрен я куда пойду, лучше немцам сдамся, не станут те меня расстреливать, я ж не шпион, не этот, как его, не коммунист. Точно, надо от этих колхозничков сбежать и найти немцев. Может, в Берлин вывезут, так и переживу эту чертову войну, главное, к сорок пятому куда-нибудь свалить. А может, немцам помочь? А что, рассказать, как все будет, может, еще и денег дадут, в Европе останусь, все будет отлично. Главное, чтобы сразу не убили и поверили, а там...

День тем временем подходил к концу. Вещи и правда высохли, только у меня все одно в носу запах стоял, но озвучивать я это не стал. Одежда. Если бы не подсмотрел чуть раньше, как другие одеваются, наверное, и не справился бы с формой, но получилось. На ногах были какие-то башмаки... Черт, они мне размера на три велики, да еще и тряпки эти...

— Обмотки как следует мотай, не то ноги собьешь, — последовало напутствие старшины.

Крутил их, крутил, никак не получалось сделать так, чтобы плотно были.

— Смотри! — Один из солдат сел на землю, сняв ботинок, размотал и вновь начал мотать обмотки. — Видишь? Делай сам теперь. Чудной ты какой-то, неужели такого не знаешь? Этому в армии с первых дней учат.

Надо мной посмеивались, а я злился. Что, нельзя было носки надеть? Какая же Рашка отсталая, даже носков нет. Зато парады у них! Ну

почему у меня предки не уехали куда-нибудь в девяностых годах? Тупые! Нормальные люди поднялись, бабла сколотили и свалили на хрен из этой жопы, а мне не повезло, тут родился и живу...

Стало совсем темно, когда наш отряд, двенадцать нас было, пошел куда-то по лесной тропе. Знакомиться никто не предлагал, да и я не горел желанием, зачем мне это? Куда я иду? Они ведь если немцев встретят, будут стрелять, убивать, немцы тоже стоять не станут, а мне что делать? Они же дикари, я-то из двадцать первого века, какая мне война? Да и не умею я ничего.

К утру вышли на какое-то поле, оно было черным. Как кто-то из этих колхозников заметил: хлеб сожгли. Поле было длинным, устал совсем, пока топали вдоль него. Где-то вдалеке, на краю этого самого поля, что-то горело. Точнее, шел дым, огня было уже не видеть.

— Хутор сожгли, суки! — выматерился кто-то из солдат.

О, услышал тут вовремя: не солдат, а красноармейцев! Держу язык за зубами, а то еще ляпну чего-нибудь из будущего, не расхлебать будет. Они тут все идейные, половина из нас комсомольцы, это такие младшие коммунисты, на испытательном сроке, как я помню из будущего.

— Надо проверить, может, чего поесть найдем? — предложил еще один красноармеец.

По именам они почти не общались, а вот выглядели все, это я только сейчас, утром рассмотрел, в принципе нормально. Я почему-то ожи-

дал, что там упыри какие-то будут, как с плакатов коммунык, с вырубленными лицами, а вроде и ничего, такие же, как я. Странно это. Нестыковки ломали мозг, который вообще пока не мог функционировать нормально, а был как навигатор, потерявший сеть. Крутится, крутится, а зацепиться за что-нибудь никак не может. Настолько все было непривычно и неправильно для меня, что мозги пухли и не желали соображать.

— Да откуда там еда? Немцы, подлюки, все сожгли, да и выгребли наверняка перед этим все, что только можно было.

Медленно, но мы дошли до этого самого хутора. Тут-то меня вновь и скрутило. Господи, да что же это такое? Кругом трупы. Мухи на них сидят, жирные такие, вонь стоит дикая. Лежат на земле вповалку как мужики, в такой же форме, как у нас, так и люди в гражданской одежке. Женщины... Даже, кажется, дети были. Зрелище такое, что и Голливуд не покажет, слишком уж картина страшная и натуральная. Крови столько, что утонуть можно, все вокруг красное.

— Они что, мертвые? А кто их убил? — я не нашел ничего лучше, как подать голос после того, как проблевался.

— Слышь, ты совсем дурак? Как тебя в армию-то призвали? — На меня уставились буквально все красноармейцы. — Немцы, конечно. Думаешь, наши, что тут лежат, убили баб с детьми, а потом себе по пуле пустили?

— Я не знаю... — попытался исправить свою оплошность я, да вышло наоборот.

От страха меня пробил озноб и на лбу выступил холодный пот. Начало трясти всего, едва зубами не стучу.

— Я тебе сейчас язык вырву, чтобы думал сначала, чего несешь! — выругался один из солдат и зарядил мне такую плюху в ухо, что я вновь рухнул на землю.

Больно было... А еще очень обидно. Обидно от того, что за меня никто не заступится, а сам я не справлюсь, вон они какие здоровые все.

— Очухался? — подошел ко мне старшина. — Ты, парень, может, контуженый, а может, и придуриваешься. В любом случае держи-ка ты язык за зубами, пока они есть, — дал совет этот наш командир, ну, его так называли, и протянул мне фляжку с водой.

Мужик этот был немолод, лет, наверное, пятьдесят. Лысина блестит, увидел, когда тот пилотку снял. Усищи длинные, бороды нет, сам мужик худой, даже тощий, и при этом высокий. Этакая сухая береза.

— Спасибо, — промямлил я в ответ и попил из фляги воды.

Была она теплой и вонючей. Увидев, что я морщусь, старшина не стал ничего говорить, а только сплюнул в сторону.

— Откуда ты такой, чудной? — спросил он.

Спрашивает, но видно, что не хочется ему со мной говорить.

— Из Москвы, — машинально ответил я.

— О, ни фиги себе, столичный гость! — тут же отозвался кто-то. — Интеллигент!

— Что ж вы там, в столице, не знаете, какая война тут? — вопрос был странный. Если я тут, при чем тут Москва?

— Нам вроде говорили, что немцы нам друзья? — робко ответил я, вспоминая что-то из истории. Вроде как с Германией какой-то договор был и немцев считали друзьями.

— Ты, парень, как будто не из Москвы, а из тайги вылез! — как-то даже снисходительно заметил старшина. — Это ж было, когда мы дружили. Немцы нарушили договор о ненападении, подло и внезапно напали на нас. Неужели в столице этого не знают?

— Я вообще запутался, — перестал я что-либо соображать.

— Давай, приходи уже в себя. Так и не вспомнил, куда призвали, где часть была?

— Нет, — пожал я плечами. А что я им скажу?

— Странный ты. Выйдем к своим, особисты тебя замучают.

— Как это? — не нашел других слов я.

— Допросами. Главное для нас — в плен не попасть, оружие сохранить. Твое-то где?

А и правда, в тот раз, в окопе, я был с винтовкой, а в этот раз без всего. Вон у других фляжки, какие-то скатки за спиной, мешки. У меня ничего, голый, можно сказать.

— Помню только, как вы меня поднимали, что было до этого, не знаю.

— А Москву, стало быть, помнишь? — уставился на меня старшина.

— Помню, только как-то странно. Жил я недалеко от Курского вокзала, а вот где учился, не помню, как в армию призвали, тоже не помню.

— Ну и дела, — только покачал головой старшина. — У тебя на вороте кровь не отстиралась, наверное, из ушей текла. Скорее всего, контузия. Голова не болит? Слышишь как?

— Все время болит, а вас слышу, как через вату, — кивнул я, смекнув, что, скорее всего, это сейчас лучшее, что я мог придумать в свое оправдание, да голова и правда болела.

— Если доктора подтвердят, считай, что все в порядке. Только один черт, особистам нужно будет твою личность установить. Ведь и мы не знаем, кто ты есть, может, немец?

— Кто? — удивился я.

— Да слышали уже, эти суки в нашу форму переодеваются и прибиваются к отрядам. По-русски лучше нас с тобой говорят, хрен отличишь. Идут с отрядом, а потом на немцев выводят.

— Не, я русский, — безапелляционно заявил я, — у меня предки под Москвой живут, это точно помню.

Разговор утих сам собой, но на меня еще долго бросали взгляды. Плелся я последним, но все равно иногда то один боец, то другой оборачивались, словно ждали от меня чего-то плохого. А я плелся себе и все думал: неужели я попал так же, как пишут в этих дебильных книгах о войне, о всяких разных попаданцах в прошлое, где они героями становятся да людоеду Сталину помогают? Но как такое возможно? Это ж чертовщина

какая-то. Одно дело — вымысел, когда в стране столько дебилов, мечтающих повторить войну, а совсем другое — когда вот так...

От сожжённого хутора мы ушли по лесу, старшина сказал, так нужно, чтобы с самолета не увидели. Какого? Да летали тут, низко так, как на парадах в Москве. Да еще и стреляли! Бойцы сказали, что где-то в стороне, от нас далековато, скорее всего, там был бой. Было слышать стрельбу, еле слышную, но все же. Моторы в небе ревели громко, но сам я разглядеть самолеты так и не смог.

Идти по лесу то еще приключение. Постоянно запинаясь, то корень какой попадетя, то кочка, то, наоборот, ямка. Где сухо, там еще ничего, а вот когда болотце обходили, там боязно было. Один из парней-красноармейцев остушился, так еле вытащили его, по грудь ушел в воду. Прыгаешь с кочки на кочку, а все одно мокрый с головы до пят. В ботинках противно хлюпает, весят они столько, что кажется, будто гиря на ноге, а не ботинок. Усталость просто валит с ног, я и так еле шел, а теперь и вовсе чуть не падаю. Удивился, когда один из парней подставил плечо и помог идти дальше. Стало легче, но как-то странно при этом.

Вывалившись из кустов, наткнулись на дорожку. Простая пыльная полевка двух метров в ширину, но когда стали перескакивать через нее, раздалась стрельба.

— Уходим быстрее в лес, вон, там овраг есть, укроемся! — заорал кто-то.

Я бежал одним из последних и не понимал, зачем нужно бежать, куда? То, что стреляли в нас, я понял, но если мы поднимем руки и сдадимся, стрелять ведь не будут. Зачем немцы будут нас убивать? Мы же простые солдаты, если мы не станем против них ничего предпринимать, то и они не будут. А пока в лесу, да с оружием, нас посчитают бандитами-партизанами. Ну а кто такие партизаны? Бандиты и есть. Нет, надоело мне все это! Сколько можно так бегать, да и нет сил уже, бегать-то. Быстрее сдамся, быстрее покой придет, хоть бегать не нужно станет. Главное, я не вижу смысла во всей этой беготне. Ведь и так понятно: обосрались уже, какие вояки из этих бегающих по лесам мужиков и парней? Что они могут? Прятаться по кустам до сорок пятого? А жрать чего, жить где?

Только подумал, взял, да и остановился. Плевать, пусть эти дураки бегут, все равно немцы поймают и только злее будут. Мне что-то кричали, но я уже развернулся и пошел назад через кусты на дорогу. Там слышался звук работы двигателя. На фиг, лучше сдаться, чего мучиться? Как и говорил, не вижу я толку от меня и таких, как я. А убьют тут, в лесу, кому польза будет?

— Русский, оружие на землю! — на очень корявом языке проговорил один из немцев.

Когда я вышел, почти сразу наткнулся на мотоцикл с коляской и троих немцев на нем. Я задрал руки вверх и начал просить, чтобы солдаты меня не убивали.

— Нету, нету у меня ничего, я сдаюсь! — вопил я.

Один из немцев, тот, что сидел сзади за водителем, слез и подбежал ко мне. Был он не сильно старше меня, скорее всего, худой, жилистый, лицо обычное, только сейчас то ли злое, то ли он сам опасается меня. Видно, что он настороже. Главное — не злить их.

Грубо пихнув меня винтовкой в живот, не больно, но неприятно, немец быстро обыскал карманы, не переставая смотреть в сторону кустов.

— Где твои друзья?

Как же плохо он говорит, через слово понимаю.

— Там, убежали они, да и не друзья они мне. Я никого из них не знаю, в лесу встретились, ничего плохого я не делал...

— Большевик?

— Кто, я? — с удивлением спросил я, делая честные глаза. — Да вы что? Я их терпеть не могу! Меня заставили на войну пойти, я не хотел...

— Вы, русские, все большевики. Иди туда! — Мне указали в сторону кустов.

— Зачем? — не понимал я.

— Эрих, что ты ему сказал? — донеслось до меня.

Блин, я немецкий, что ли, знаю? Вроде не учил никогда. Английский — да, причем говорю на нем неплохо, а вот дойч никогда не знал.

— Ничего, надо его пристрелить тут, да и все.

— Может, он что-то знает?

Я стоял в ступоре, не зная, что мне делать. Шок? Нет, я просто дар речи потерял и двигаться не мог, словно прирос. Как это, пристрелить? Кого, меня? А за что? Разве можно вот так, без всякой выгоды, пользы обычного человека расстрелять?

— Да что он может знать? Обычный колхозник, как и вся их армия. Возиться еще с ним тут. До ближайшего сборного пункта двадцать километров, мы туда только к вечеру доберемся, а я есть хочу.

— Ты всегда хочешь есть, — заржали солдаты.

Наконец меня отпустил ступор, и я бросился на землю, на коленках пытался подойти к фрицу с винтовкой, но тот, замахнувшись, со всей дури влил мне прикладом в грудь. На его лице было такое пренебрежение, даже, я бы сказал, брезгливость по отношению ко мне, что я почувствовал себя каким-то нищим, просящим кусок хлеба. Забыв, как дышать, я корчился на обочине, а фрицы ржали надо мной. Решив просто лежать и показывать, что мне очень больно, а так и было, я продолжал корчиться. Выстрел раздался неожиданно, я даже испугаться не успел, ибо не видел, как стреляли. Что-то сильно ударило укололо меня в спину с правой стороны, и пришла такая боль!

— А-а-а! — орал я дурниной, пытаюсь дотянуться рукой до спины и потрогать, что там такое.

Завертевшись волчком, я не переставал орать. Меня раздирало изнутри, нечем было

дышать. Слезы катились из глаз, руки были все в крови, ноги не слушались.

«Как же больно мне! За что?» — мысли вихрем проносились в голове.

Ответом послужил треск нового выстрела...

— У-у-у-х-х!

Сердце вырывается из груди, тело аж выгибается дугой, кашель, хрип...

— О, уже прогресс! Сколько, день, два?

Голос... Настолько ненавистен он мне сейчас, что хочется... А чего хочется? Убить? Кого? Деда?

— Нравится? — Дед сидит рядом и улыбается.

— Как будто ты такое пережил! — восклицаю я и вновь захлебываюсь в кашле.

— Я много чего пережил. Что, не изменил мнения?

— Какое еще мнение? Как ты меня туда засунул?

Потихоньку я начал приходить в себя. Понятно, что я дома, в своем времени, а то, что до этого видел, похоже, просто глюки. Дед, гад, словно издевается, лыбится вон, довольный как слон.

— Хоть одного немца убил? Молчишь? Наверное, еще и в плен сдался, да, вы ж тут все уверены, что немцы в плен брали всех подряд и кормили плюшками, да еще и работу в Германии давали?

— Да иди ты, старый хрен! — вырвалось у меня, и я отвернулся.

Дед ничего не ответил, но я так и продолжал лежать к нему спиной. Не заметил, как уснул, причем снов не было, только за это я готов был отдать многое.

Проспав почти весь день, удивился: сколько же капельниц в меня влили? Как ни проснусь, постоянно стоит новая. Черт, опять скоро ночь. Неужели этот старый хрыч опять появится? Как оказалось, последнее я сказал вслух.

— Да я уже тут. Как, удалось за день что-нибудь осознать из того, что пережил?

— Отстань от меня, — прошептал я вяло; с появлением старика на меня накатывали такая усталость и тяжесть во всем теле, что даже шевелиться не хотелось. — Зачем солдаты по лесам бегали, не лучше ли было просто сдать-ся? Смысл в этом какой? Бегали-бегали, а все одно — смерть.

— Ну, так чего, расскажешь, как сдался? Значит, думаешь, что в плену было хорошо? Не видел еще, как в плену-то? Зря скрывались, нужно было всем сдать-ся? — Дед, похоже, начал заводиться. — Иди тогда, еще посмотри, как пленным жилось, я-то видел...

И вновь я не успел даже открыть рот, как уже в который раз меня скручивает в дугу и боль режет все тело. Да сколько можно? Темнота сменяется пасмурным небом, а на меня смотрят несколько пар глаз. Разные, но все какие-то обреченные, что ли. Разглядывают недолго, протягивают руки. Сил почти нет, в ногах тяжесть

такая, что совершенно нет желания ни вставать, ни куда-то идти.

— Давай, братка, давай...

Пытаются поднять, а я, понятно, опять валяюсь на земле. Даже не удивлен в этот раз, а стоило бы. В голове шум, перед глазами какая-то пелена, тело вообще почти не слушается, страшно и обидно как-то.

В этот раз я оказался на дороге, рядом, чуть в стороне, — деревянный мост. Слева лес вроде, а справа — поле. Окидываю взглядом людей. Еперный театр, да сколько же вас! Передо мной была колонна. Целая колонна людей, красноармейцев. Все без оружия, рваные, грязные, многие в бинтах, точнее, в каких-то тряпках, испачканных грязно-красным. Хромые, еле идущие, они заполнили собой все вокруг. Как же много их! Сотни, а может, тысячи? Не знаю даже, но зрелище унылое и страшное. Страшно от того, что вся эта толпа похожа на зомби, на лицах выражение усталости и отрешенности. Уверен, они гораздо моложе, чем выглядят, а выглядят, как старики. Меня буквально передернуло от увиденного. Столько страха и одновременно злости я не видел никогда. В мирное время, в котором я родился и жил, таких лиц не бывает. Что нужно сотворить с человеком, чтобы он стал так выглядеть?

Дорога была довольно широкой, но, как и ранее виденные мной, грунтовая. Пыль стояла столбом, люди идут, волоча ноги и поднимая тучи пыли. Куда нас вели, я понятия не имел,

просто брел со всеми вместе. Иногда нам приказывали прижаться к обочине и пропустить колонны немецких войск. По обочинам тут и там попадались разбитые машины, в основном грузовики, но есть и легковушки, и телеги без лошадей. Много чего валяется вдоль дороги, даже танки видел, на вид совершенно целые, хотя я не знаток.

— Ну, вот, держись, дойдем потихоньку. — Меня поддерживали под руки, помогали идти.

Те, кто помогал, представились, я тоже назвался, познакомились, значит. Почему поднимали и торопились, я узнал буквально через несколько минут после того, как встал. Слева и справа от колонны, по обочине, шли немецкие солдаты, я их уже легко различаю, немного их, но все с оружием. Постоянно что-то прикрикивали на красноармейцев из колонны, не чурались и просто двинуть прикладом. Но если кто-то падал от усталости или обессилев от ран на глазах конвоира, его просто расстреливали. На моих глазах один из красноармейцев осел в пыль, будучи не в силах больше идти, а проходящий рядом конвоир-немец это увидел. Я даже подумать не успел, как винтовка бахнула, а немец продолжил свой путь как ни в чем не бывало, лишь толкнул ногой, обутой в черный короткий сапог, тело красноармейца, отправляя его в придорожную канаву. Меня настолько ошеломило это действие солдата, что я даже зажмурился. Настолько буднично действовал немец, словно муху на стекле раздавил. В его глазах не было